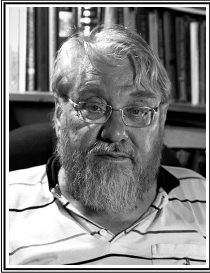

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ ПОИСК

Владимир МИЛЬКОВ

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник.
Институт философии РАН.
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
e-mail: dr_milkov@mail.ru

ИЛАРИОН

Статья посвящена характеристике религиозно-философских воззрений выдающегося древнерусского мыслителя и церковно-политического деятеля – Илариона Киевского (конец X в. – начало XI в. – ок. 1054/1055). Анализируется содержание «Слова о Законе и Благодати» – одного из самых древних отечественных историко-философских сочинений. Обосновывается составной характер памятника, который состоит из объединения трёх независимых частей и представляет собой своеобразную подборку текстов Илариона. В глубоко эмоциональной образно-поэтической форме древнерусским мыслителем даётся теоретическое осмысление мировой и отечественной истории. Иларион выделяет важнейшие этапы мировой истории, которая, по его представлениям, вершится по заданному Богом сценарию. Поступательное движение осуществляется за счёт приобщения всё новых и новых народов к Благодати (христианству). В произведении обосновывается идея равенства всех народов. Утверждается право «молодого» славянского народа «быть новыми мехами для старого вина». С позиций равенства в вере Иларион отвергает претензии Византии («старого народа»), которая присвоила себе монополию на Благодать и горделиво возносила над «молодыми народами» как лишёнными достоинств и значимости варварами. Иларион, в пику заносчивости греков, прославляет величие своей страны и достойных памяти предков Владимира Крестителя. Он восхваляет весь княжеский род, тем самым возвышая языческое прошлое молодой

христианской державы. В прославлении настоящего через прошлое чётко прослеживается национальная идея. «Слово» Илариона формировало в сознании древнерусичей чувство собственного достоинства, позволяло с уверенностью глядеть в будущее. В религиозную форму с такими мотивами облекалась программа независимости русской церкви от Константинопольского патриархата. Иларион, избранный русскими епископами автокефальным митрополитом в 1051 г., идейно обосновывал право своей страны на церковную автономию.

Ключевые слова: русская философия, Древняя Русь, Иларион Киевский, идеология древнерусской автокефалии, историософия, Церковь, христианство, Закон, Благодать мировая история

Иларион (конец X в. – начало XI в. – ок. 1054/1055) – автокефальный русский митрополит, церковно-политический деятель, идеолог независимой русской церкви и сильного единого государства, религиозный мыслитель, полемист, мастер торжественного красноречия, законотворец.

Впервые в поле зрения летописца Иларион попадает в 1051 г. в связи с сообщением о поставлении его волей князя Ярослава на русскую митрополию. К этому сообщению в Лаврентьевской летописи приурочена вставка повествования «О начале Киево-Печерского монастыря», из которой следует, что монастырь возник близ загородной княжеской резиденции Берестово на том месте, где один из священников берестовской церкви св. апостолов Петра и Павла – Иларион – «ископал» себе пещерку на высоком берегу Днепра для уединённых молитв. Позднее на этом месте разросся Киево-Печерский монастырь. Таким образом, практикой своего уединения Иларион предвосхитил появление монастырской русской традиции и оказался причастен к появлению первого на Руси монастыря. Тут же повторно сообщается, что князь того «мужа книжного и постника» поставил митрополитом в Киевской Софии. Из собственно-ручно написанного ставленником на высший церковный пост «Исповедания веры» дополнительно узнаём, что Иларион на тот момент был «мнихом и пресвитером» (т. е. иеромонахом), а его возведение в сан митрополита осуществлялось собравшимися для этой цели русскими епископами [7, с. 64]. Это противоречило практике Константинопольской церкви, в которой назначение митрополитов осуществлялось патриаршим синодом. Каноничность акта создания русской автокефалии обосновывалась опорой на раннехристианские апостольские правила возведения в церковные иерархи. Таким порядком утверждалось право молодой поместной церкви на самоуправление. Большинство исследователей полагают, что выдвигенец Ярослава на высшую церковную должность был духовником и советником князя и даже выполнял обязанности местоблестителя после отъезда митрополита грека Феопемпта в связи с разразившейся в 1043 г. войной Руси с Византией. Соответственно, фигура Илариона могла иметь общественно-политическое значение задолго до 1051 г.

На основании анализа содержания произведений отдельными исследователями делается заключение о знакомстве Илариона с западноевропейскими реалиями, что может указывать на его опыт в качестве участника дипломатических миссий [20, с. 96; 23, с. 29]. Блестящая богословская подготовка и знакомство с сочинениями, выходящими за рамки репертуара бытовавших на Руси книг, позволяет предположить, что Иларион получил образование в Византии [26, с. 148–149; 20, с. 94]. Но в силу религиозной обособленности Руси и корсунских корней христианства, не связанных с константинопольской юрисдикцией, более вероятно влияние вероучителей кирилло-мефодиевского круга, продолжавших ирландскую традицию проповеди на родном языке [18, с. 346–351]. Соответственно в этом контексте мог быть решён вопрос и о пострижении в монашество в одной из временных общин пришлых монахов, поскольку своего постоянного института монашества в стране ещё не существовало. Невозможно представить, что талантливый и образованный мастер слова оказался вне начинания Ярослава по созданию собственного книжного фонда в 1037 г. По социальному происхождению семья Илариона, скорее всего, принадлежала к кругу княжеской администрации, так как присвоенный ему эпитет «русин» фигурировал в Краткой Павде (статья 1) рядом с гридином, купцом и мечником. Социальный термин с этнической окраской указывает одновременно на привилегированное положение и на русское происхождение, поскольку с таким значением слово закрепилось в языковом обиходе. Приближённым к князю Иларион становится из среды ближайшего служилого окружения властителя («нарочитой чади»). Представители этого высшего сословия на государственной службе овладевали грамотой в первую очередь. Мирское имя первого автокефального митрополита неизвестно. Иларион исчезает с церковно-политической сцены одновременно со смертью Ярослава в 1054 г. Митрополит не упоминается летописью в качестве участника похорон князя, причиной чего, скорее всего, была церковно-политическая переориентация Киева на Византию и появление в 1055 г. на Руси митрополита-грека Ефрема: в обстановке византизации церковных порядков имя первого автокефального митрополита предаётся молчаливому забвению. Если оставление митрополичьего стола было вынужденным, то учёный инок мог продолжать книжную деятельность в ином статусе. На основе такой логики с отставным митрополитом гипотетически может быть отождествлён упоминавшийся в Киево-Печерском патерике книжник-черноризец Ларион.

Иларион является автором разновременных и тематически связанных сочинений, которые в переработанном виде самим автором были слиты в единое повествование, заглавие которого описательно представляет содержание главных текстовых ядер: «О законе, через Моисея данном, и о благодати и истине, которые были Иисусом Христом (1); и о том, как закон отошел и благодать и истина всю землю заполнили и вера на все

народы распространилась и нашего народа русского достигла (2); и похвала кагану нашему Владимиру, который нас крестил (3); и молитва к Богу от всей страны нашей (4)» [7, с. 45]. Свою композицию сам автор называл «писанием», отдавая отчёт, что им объединены разные по жанру блоки. Начальная часть представляет собой экзегезу на предмет оценки роли иудеев и Ветхого завета в переходе от многобожия к монотеизму, предуготовившему появление христианства как новой религии, уже не узко этнической, а всех народов. В доведённой до поэтического совершенства форме автор легко оперирует библейскими образами и символами, декодируя которые в этой части своих писаний он не затрагивает темы собственно русского христианства. Экзегеза обращена к богословски подготовленным читателям, которые «обильно насытились книжной сладостью» и которым Иларион напрямую адресовал данное сочинение. Только к этой части наследия правомерно применение названия «Слово о Законе и Благодати», хотя в научном обиходе данное название закрепилось за всем литературным комплексом входящих в подборку блоков. Второе сочинение в объединённом блоке текстов написано в жанре проповеди (ошибочно было бы считать её пасхальной, ибо Церковный устав таковой не предполагает). Произведение посвящено определению места Русской земли в процессе приобщения к христианству разных народов и оценке этого события в судьбе страны. Третьим блоком композиции является Похвала князю Владимиру, стилистика которой близка к житийному жанру. Появление данного сочинения свидетельствует о намерениях духовных и светских властей осуществить канонизацию крестителя Руси и связывается с торжественной памятной службой у княжеской раки в Десятинной церкви. По внутренним датирующим признакам Похвала могла быть произнесена 15 июля 1049 или 1050 г. (т. е. когда ещё была в здравии супруга Ярослава Ирина-Ингигерд и уже появились первые внуки, упомянутые в тексте). Одновременно в Похвале развивается тема преобразования страны после принятия христианства. Завершает всю подборку Молитва от имени Русской земли и за своих современников. Она могла быть произнесена только митрополитом и, скорее всего, в момент интронизации 1051 г. Добавленное в конце Исповедание веры также имеет отношение к процедуре избрания, а завершающая автобиографическая приписка о поставлении русскими епископами в митрополиты могла появиться вскоре после возведения в сан. Это даёт основание всю подборку сочинений датировать ближайшим к интронизации Илариона временем и рассматривать все его составные части вместе как программный документ автокефального первосвященника Русской земли, манифестирующий религиозно-политическую доктрину страны. Кроме этого совместно с киевским князем Иларионом был составлен церковный Устав, который в переработанном виде дошёл до нас как «Устав Ярослава». Он отличается от образцов византийского права, разделяет сферы церковной и светской юрисдикций, регламентирует социальную ответственность церкви и нормы бытового поведения.

Свои богословские взгляды Иларион изложил в Исповедании веры, которое предвосхищает автобиографическую запись о поставлении в митрополиты. Сначала в нём воспроизводятся формулировки Никео-Константинопольского Символа веры, а затем ещё раз перечисляются вероучительные догматы, но уже в авторской интерпретации. В них внимание сфокусировано на положениях о двуприродности Христа, а также на почитании Богородицы и икон [7, с. 62–63]. От догматов семи Вселенских соборов они отличаются отсутствием постулатов, принимавшихся на Первом и Втором Вселенском соборах. Иларион указывает, что он держится веры Вселенской церкви, берущей начало от апостолов. «Слово о Законе и Благодати» создавалось до разделения христианской церкви на Восточную и Западную (1054 г.), и в нём проводится идея единства христианского мира: «вот уже мы со всеми христианами славим святую Троицу» [7, с. 57]. Автор с одинаковым пиететом относится к святыням Рима и Константинополя и прославляет правоверие Рима. В этом контексте, ставя «молодой» русский народ в один ряд с греками, Иларион воспроизводит литургическую формулу, употреблявшуюся только в латино-католическом мире [20, с. 95]. Такой подход, соединённый с проповедью учения на родном языке, не укладывается в рамки чистого византизма и соответствует чертам, которые были присущи кирилло-мефодиевской традиции. В оценке действительности акцент значительно смещён на провиденциальный план бытия, а принцип свободного волеизъявления и, как следствие, личной ответственности за грехи нигде в чёткой форме не заявлен. Ход истории, приведший к принятию христианства, трактуется автором как реализация божественного плана. Это указывает на присутствие в «Слове о Законе и Благодати» мотивов адопционизма, согласно которому божественное усыновление воспринимается как залог спасения и сверхъестественного покровительства стране и людям [7, с. 45]. Важно, что вследствие такой религиозно-мировоззренческой установки личной ответственности человека придаётся меньшее значение и выражается уверенность, что всемилостивый Бог будет вершить Суд без кары [7, с. 60]. На фоне убеждённости в прощении новообращённого стада за прегрешения формируется уверенность в надёжном светлом будущем, а всё мироощущение пронизано оптимизмом. Построениям Илариона не свойствен типичный для аскетической христианской традиции антагонизм духа и плоти, которые воспринимаются в гармонии. Как следствие, воспевание Бога соседствует со славословием Русской земле, в роли небесного заступника Ярославу призывается его неканонизированный отец [7, с. 59]. В нетипичном для христианской книжности ключе возвеличиваются подвиги языческих предков Владимира Крестителя, прославивших страну во всех концах земли [7, с. 54]. Подобные установки позволяли славу и известность языческой Руси рассматривать как прообраз величия Руси, укреплённой христианской верой. Сложные богословские построения изложены простым и ясным языком, который оживляет использование природной

образности. Близкая к поэтическому строю речь с наглядностью раскрывала христианские смыслы повествования. Облечённая в доступную для восприятия форму, мысль Илариона отличается философской глубиной постижения действительности. Последняя осмысливается Иларионом с позиций сверхъестественной предопределённости. Согласно «Слову о Законе и Благодати», ход истории вершится по заданному свыше плану. История с точки зрения подобной установки воспринимается зримым воплощением божественного предначертания, которое реализуется в приобщении новых народов к Благодати (христианству) и ведёт к духовному преобразению их. Принцип божественной предопределённости выражается в таких формулировках: «Благословен Господь Бог, Бог израилев, Бог христианский за то, что что посетил и дал избавление людям своим, что... не допустил до конца пребывать в идольском мраке, не дал погибнуть в служении бесам... все народы спас» [7, с. 45]; «Все страны благой Бог наш помиловал и нас не отверг» [7, с. 52]; «но оказал милость нам Бог и воссиял в нас свет разума» [7, с. 52].

В поступательном движении истории выделяется два этапа, которые проходят все народы на протяжении своего земного бытия: «прежде Закон, потом Благодать, прежде стень, потом истина» [7, с. 46]. Даже в Молитве за русский народ Иларион всю надежду на исправление своих греховных чад связывает не с их личным волеизъявлением, а с человеколюбивым расположением милующего, всё прощающего и всё исправляющего по своей воле Бога: «не вступи в суд с рабами своими... от тебя очищение, от тебя милость и щедрое избавление...» [7, с. 60]. Христианский гуманизм первоиерарха проявляется в призыве к Вседержителю не отвергать нетвёрдых в вере, ибо если воздавать всем по их заслугам, то никто не спасётся. В данном случае автор текста выступает прямым оппонентом широко распространённого в религиозной мысли концепта небесной кары, на основе которого в начале XII в. в древнерусском летописании оформилась историческая теория казней Божиих. Основу этой концепции составлял принцип прижизненного возмездия за самовластное склонность к грехам. Бог предстаёт у Илариона не карающим небесным Судией, а милостивым и могущественным заступником своих чад: «И пока стоит мир – не насылай на нас напастей искушения, не предай нас в руки чужеземцев, и пусть не назовется город твой городом плененным, и стадо твое пришельцами в не свою землю... Не насылай на нас скорби и голода, напрасных смертей, огня, потопления, чтобы не отпали от веры нетвердые в ней» [7, с. 61]. Оптимистическая вера в милостивого и всё прощающего Вседержителя основана на представлении, согласно которому внеприродный источник Благодати с неизбежностью ведёт народы из несовершенного прошлого в спасительное будущее.

Иларион не следует традиционной для средневековой христианской письменности модели подключения национальной истории к длинной цепи событий, возводящей через священную историю к моменту сотворения

мира. Тема креационизма, как, впрочем, и эсхатологические мотивы, в творчестве мыслителя отсутствует полностью. В фокусе его внимания – начало собственной истории и вера в спасительное усыновление «нового народа» Богом. В оптимистической атмосфере радостного переживания судьбоносного события нет места ожиданию конца мира и Суда. История схвачена Иларионом в её глобальной и самой общей перспективе смены исторических состояний. Поступательный ход истории оценивается с точки зрения смены вер: эпоха «идольского мрака» у иудеев сменяется состоянием «Закона», прочие же народы, минуя «Закон», вступают в эпоху Благодати. Формула этого двухступенчатого исторического движения применительно к иудейской истории задаётся интерпретацией библейской притчи о Саре и Агари. Родившийся от рабыни Агари сын Авраама Измаил олицетворяет собой эпоху рабства (Закон), а законнорождённый Исаак – освобождение (Благодать), когда «будут наследовать» свободные [7, с. 46–47]. Надмирный источник «Благодати» с неизбежностью ведёт народы из несовершенного прошлого к преображающему их будущему. Концепция провиденциальной богоизбранности «новых народов» обосновывается с опорой на евангельскую притчу о виноградарях. Согласно этой притче «Благодатью», как и виноградником, свыше предопределено обладать достойному. Достойными провозглашаются «новые народы», которые уподобляются «новым мехам для нового вина»: «Подобает Благодати и истине воссиять на новых людей. Ибо “не вливают, – по слову Господню, вина нового, благодатного учения, в мехи старые, в иудействе обветшавшие, если прорвутся мехи, то вино прольется”. Уж если не сумел подобие Закона удержать, многократно поклоняясь идолам, то как истинной Благодати удержать учение? Но для нового учения – новые мехи, новые народы. И сохраниться и то, и другое» [7, с. 51–52].

В «Слове о том, как Закон отошел и Благодать и истина всю землю заполнили и вера на все народы распространилась и нашего народа русского достигла» общая формула истории конкретизируется на примере Руси. Поступательность исторического движения описывается мыслителем как призывание к спасению народов, которые через крещение становятся «сынами вечности», которых сам Господь посетил и даровал избавление людям своим. Богоизбранными в пику иудеям названы «новые народы», выходящие на сцену исторического развития. Расширение Благодати уподобляется живительному евангельскому источнику, наполняющему всю землю и простирающемуся на все языки. В такой образно-символической форме под пером Илариона оформляется идея равенства всех народов. Исключения составляют только приверженцы иудаизма, которые стали заложниками собственного национально-религиозного эгоизма. Поскольку они возвеличили своё превосходство над другими народами, то, в понимании Илариона, закалились в рабстве собственного Закона и оказались на обочине исторического процесса. Абсолютизация вселенского универсального принципа, согласно которому спасение уготовано всем принима-

ющим веру во Христа, программирует в сознании снисходительное отношение к дохристианскому прошлому, которое в таком ракурсе рассматривается как неизбежная и свыше предопределённая стадия несовершенства, сродни болезни и заблуждениям детского возраста. Предпочтение языческих народов перед иудейским обосновывается евангельским примером, когда пришедшие от языческого мира волхвы поклонились Христу, а иудеи искали его, чтобы убить [7, с. 51]. Поэтому, несмотря на нелюбимые характеристики дохристианского периода («тьма», «засуха», «скверна», «беззаконие», «служение бесам», «жертвы»), именно «спотыкавшимся на путях погибели» народам уготовано славное будущее: крещение делает вчерашних неверных «сынами Божиими», которые свыше призваны стать преемниками Благодати. Так идейно-философски закладывается вектор устремления русского народа к процветанию и успехам на исторической арене. Только иудеи обрубили себе эту спасительную и ведущую к Благодати историческую перспективу. Поэтому характеризовавшееся в более сдержанных эпитетах иудейство («луна», «свет свечи», «оправдание Законом», «вера в единого Бога», «подготовка к истине») в исторической перспективе оказывается чуждым Благодати. Более других иудеи были «почтены» Творцом, но в гордыне своей оказались слепы и встали на путь погибели. Обе ветви религиозно-исторического процесса оправданы предопределением, ибо без них невозможно было явление в мир Христа. Соответственно, Закон представлен «предтечей и слугой Благодати и истины»: «прежде Закон, потом Благодать, прежде стень, потом истина» [7, с. 46]. Согласно Илариону, иудеи восприняли своё избранничество как исключительность и в ней стали отсохшей ветвью на древе народов, тогда как Благодатью усыновляются блуждавшие во тьме язычества идолопоклонники. Преображением языческого мира вершится расширение христианства. Именно с язычниками, а не иудеями древнерусский мыслитель связывает надежду будущих и просвещённых Благодатью времён. В провиденциальных рамках восприятия мировой истории необычно трактуется проблема личных заслуг исторических деятелей. Исторический выбор за русский народ сделал его предводитель – князь Владимир, благодаря которому Русь была выведена «из мрака заблуждения» и приобщилась к Благодати. Иларион подводит к выводу о том, что свершенное Владимиром деяние – результат высокой личной мудрости князя. Выбор веры – это прямое следствие выдающихся умственных и познавательных способностей Владимира, который не был искушён в Писании и только «по благому пониманию и остроте ума понял, что Бог – Творец видимых и невидимых, небесных и земных» [7, с. 56]. Дар разумности получает тот, в ком развились высокие умственные способности, в ком «вселился разум выше разума земных мудрецов, чтобы невидимого возлюбить» [7, с. 56]. Это пояснение примиряет личный выбор крестителя Руси с провиденциализмом, ибо «смысленность» и «разумность» Владимир получает свыше и действует как избранник, обладающий высокими

интеллектуальными способностями. Его деяние – это уже не вполне личное волевое действие, через него реализуется высшая воля: «взглянуло на него всемилостивое око благого Бога, и воссиял разум в сердце его» [7, с. 54]. Тезис о том, что к пониманию бытия Бога можно прийти благодаря размышлениям («смысленности»), определённо свидетельствует о допущении Иларионом рационализации веры. Разум здесь выступает источником познания мира и веры одновременно. Сфера познания распространяется с поюсторонней действительности до инобытийной реальности, которая с точки зрения христианской гносеологии считалась закрытой и судить о ней можно было только на основании данных откровения, а всякая «смысленность» в этом деле считалась опасным покушением на непознаваемое. Владимир же приходит к правильному пониманию Бога путём личных размышлений, не являясь ни свидетелем земной жизни Христа, ни восприемником апостольской проповеди. Он приходит к вере даже не через постижение Божественного Писания [7, с. 56].

Социально-политическая программа Илариона излагается в Похвале Владимиру, но идейно-религиозным основанием её является «Слово о том, как Закон отошел и Благодать и истина всю землю заполнили и вера на все народы распространилась и нашего народа русского достигла». В Поучении прославляется креститель Руси и весь славный род его предков: «Похвалим... нашего учителя и наставника, великого кагана земли нашей Владимира, внука древнего Игоря, сына же славного Святославова, которые в годы своего владычества мужеством и храбростью прославились во многих странах»; «Се каган наш Владимир, славный от славных родился, благородный от благородных. И вырос и окреп, с детских лет возмужав, крепостью и силой совершенствуясь, в мужестве и преуспевании преуспевая» [7, с. 54]. В прославлении настоящего через прошлое чётко очерчена национальная идея. С одной стороны, русская история – это часть мировой, а с другой – богатое собственными, достойными памяти и гордости событиями прошлое. Согласно Илариону, благо стране могут приносить и не познавшие Христа. Впрочем, сам автор говорит о предках Владимира нейтрально и тактично не касается вопроса веры предков Владимира. Для него важно утвердить принцип родовой преемственности власти, которая осуществляется на основе майората и включает в эту преемственность Ярослава, старшинство которого не было очевидным. Конфессиональная оценка исторических фигур для него всё же важна. Сосредоточиваясь на славе рода, он акцентированно выделяет христианскую родовую традицию, которая начинается с его бабки, княгини Ольги. Утверждая политический приоритет единой державы в исторической ретроспективе, Иларион проводит мысль, что только крепкая единая власть способна обеспечить могущество страны, а военные победы – это явленный всем показатель силы власти. Поэтому для него важна не столько разовая полководческая удача, сколько накапливаемое поколениями укрепление международного авторитета Русской земли, на которую переходит

слава побед её властителей: «Ведь не в слабой и безвестной земле владычествовали, но в Русской, о которой знают и слышат во всех четырех концах земли» [7, с. 54]. Затем в Молитве, которая проникнута не только религиозным, но и высоким гражданским чувством, он обращается к Вседержителю с просьбой о покровительстве как великим, так и малым своим современникам. Из пространного перечня паствы явствует, что Русская земля – это не только власть и победоносное воинство, а всё подвластное население князя, объединённое единой верой и единой судьбой. Крещение народа и цепь побед на международной арене позволяют оптимистически смотреть в будущее. Иларион в данном случае заявляет о национально-государственном интересе и озвучивает программу, в которой выступит идеологом сильной, централизованной (на принципах старейшинства) власти. Согласно сформулированным установкам, задача власти – укреплять мир, изгонять врагов, смирать соседей, избавлять от войн и мятежей, не допускать голода, строить города [7, с. 56–57]. В его понимании сильная власть и правая вера (ср. о Владимире: «благоверие соединено с властью») обеспечивают благосостояние и независимость государства. Илариону важно подчеркнуть, что Владимир «с новыми нашими отцами-епископами, часто собираясь, с великим смирением совет держал» [7, с. 57]. Поскольку Похвала обращена также достойному преемнику Владимира – Ярославу, с которым в доверительных отношениях находился Иларион, можно говорить о планах выстраивания симфонии светской и духовной властей, причём с довольно широкими совещательными полномочиями последних. Вместе с тем в Молитве звучит призыв «бояр умудрить», что прочитывается как упрек в адрес тогдашней крупной знати. Характерно, что речь идёт о совете не с боярством, а с высшим духовенством, среди надёжных союзников единой державной знати бояре не упомянуты. Утверждая право молодого русского народа «быть новыми мехами для старого вина», Иларион противопоставляет это право стремлению к религиозному превосходству греков, которые высокомерно относились к варварам как к объекту миссионерства и политического контроля. Пафос сочинений Илариона заключается в том, что Русь самостоятельно, без внешнего участия, делает свой выбор и становится на равных в общем ряду христианских народов, в том числе и тех, кто давно утвердил своё положение на исторической арене. Греческая земля фигурирует лишь как известная Владимиру страна «христоробивой и крепкой веры». В остальном через параллелизм уподоблений намеренно подчёркивается равенство Руси с Византией: по плодам деяний Владимир уподобляется Константину, поскольку оба подчинили свои державы Богу, первая христианка в роду Рюриковичей – княгиня Ольга – уподобляется Елене, принесшей крест из Иерусалима в Константинополь, создание Софии Киевской рассматривается в сравнении с Софией Константинопольской не в качестве подражания, а как достойные главные святыни богохранимых столиц православных держав. Более того, в деле храмостроительства Владимир

уподоблен Давиду, а его преемник Ярослав – Соломону, и в этот высокий ряд уподоблений включается ещё одна пара деятелей византийской истории: Константин и Юстиниан (первый создал условия, а второй осуществил постройку главного храма Византийской империи) [7, с. 57–58]. Упоминаний о трансляции вероучения на Русь от греков в текстах Илариона нет. Приоритет просвещения русского народа принадлежит не грекам, а Владимиру. Киев рассматривается как равный с древней христианской столицей. В этой конструкции Русь ни в чём не уступает Византии. При этом никакого намёка на превосходство, тем более на вражду с единоверными греками, в сочинениях русского митрополита не содержится. Генеральная мысль заключается в утверждении равенства и взаимного уважения христианских народов. Именно это позволяет позиционировать Русь на равных с Византией, что соответствует независимому автокефальному статусу русской церкви при Иларионе и позволяет осуществлять религиозную политику в национальных интересах. В качестве предстоятеля автокефальной церкви Иларион своей Похвалой делает заявку на создание собственного пантеона святых и вполне логично, что в таком качестве представлен креститель Русской земли, ибо не канонизированный князь Владимир не может быть небесным покровителем ни своих потомков, ни государства. Похвала, возвеличивавшая Владимира и его некрещёных предков, соединяет в себе признаки жития с чертами героического песенного сказания и мотивами фольклорных плачей по умершему. Военная героика и фольклорная архаизация не характерны для церковной книжности. Таков парадокс выстраивания независимой церковной политики, которая вопреки конфессиональной исключительности вынуждена была искать доктринально допустимые опоры в собственном дохристианском прошлом. Социальный идеал Илариона – гармонизация отношений всех слоёв общества. Движущей силой достижения этого идеала в его представлении является власть. В Похвале выстраивается целая программа желанных действий князя в отношении подданных: быть одеянием для нагих, напитать алчущих и жаждущих, дать приют странствующим, защитить обижаемых. Одновременно властитель Руси прославляется за его опеку больных и вдов, за поддержку сирот и должников, а также за щедрую милостыню нуждающимся, которая рассматривается как залог посмертного спасения власть имущего: «кто поведает о твоих многочисленных милостынях и удивительной щедрости, которые денно и ночью оказывал ты бедным и сиротам, больным и должникам, вдовам и всем просящим сострадания. Ибо слышал слово, сказанное Даниилом Навуходоносору: “...Грехи твои милостынями искупи и беззакония твои щедростью к нищим” (Дан. 4, 24)» [7, с. 56–57]. Другими словами, на основе христианской идеи милосердия выстраивается программа попечения о незащищённых и обездоленных слоях населения. Присутствует здесь и намёк на знаменитые благотворительные пиры Владимира. Первоиерарх исходит из того, что Владимир как христианин спасает себя и всех

и не только после смерти, но и в этой жизни: «Радуйся, учитель и наставник благоверию! Ты в правду облачён, крепостью препоясан, в истину обут, разумом увенчан и милосердием, как гривной и золотым украшением, красуешься. Ты, о честный муж, был нагим одеяние, а лучшим – кормитель, жаждущей утробе – охлаждение, был вдовам помощник, странникам – пристанище, бездомным кров, обиженным ты был заступник, бедным – обогащение» [7, с. 59]. Можно ещё указать на один аспект социальных воззрений Илариона. Много критического говорится им в «Слове о Законе и Благодати» по поводу рабства. В состоянии несвободы в ту эпоху попадали должники и отдельные правонарушители, а процессы закабаления в форме холопства и закупства развивались интенсивно на основе законодательных установлений «Русской Правды». Идеализация Иларионом свободы и равноправия народов имплицитно подразумевает неодобрение практики расширения социальной несвободы новопросвещённого русского народа. В условиях феодализации подобные идеалы не могли быть сформулированы напрямую, но звучали в подтексте. Социально-политическая программа Илариона может быть суммирована в следующих положениях: 1) укрепление государства и международного авторитета на основе военно-политической мощи принявшей христианство Руси; 2) провозглашение национально государственного суверенитета в союзе с церковью, выстраивавшейся на основе автокефалии; 3) духовное перерождение общества и гармонизация межличностных отношений в нём.

Вселенский характер христианской доктрины дополняется у Илариона патриотической идеей, поэтому тематика его произведений непосредственным образом фокусируется на насущных проблемах внутренней и внешней политики государства. Политические смыслы встроены в религиозный контекст его трудов. Философско-историческую доктрину Илариона можно назвать доктриной государственной независимости, церковного самоопределения и исторического оптимизма. Первый митрополит из русских и выдающийся мыслитель Древней Руси провозглашал такой религиозно-нравственный идеал, в котором не было места пессимизму, крайней аскезе, оправданию страданиям с точки зрения высшей задачи приобщения к благодатной вере. На этой основе зиждилась гуманность и понимание несовершенства своих современников, идеалы социальной взаимопомощи и гармонизации раслаивавшегося на страты общества.

В последующие столетия сформулированные в творчестве Илариона идеи давали импульсы развития русской духовности, искавшей в рамках православия собственных путей для самовыражения.

Издания и переводы:

а) *на древнерусском*: Горский А.В. Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава I // Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе. Ч. 2. М., 1844. С. 1–91; Покровский Ф. Отрывок слова митрополита Илариона «О законе и благодати» в списке XII–XIII в. // Известия Отделения русского языка и словесности. Т. XI. Кн. 3. СПб., 1906. С. 412–417. [Воспроизведение фотокопии древнейшего фрагмента по списку РАН. 4.9.37: Описание русских и славянских рукописей Библиотеки АН СССР. Описание русских и славянских рукописей XI–XVII вв. Л.: Наука, 1976. С. 65–66]; Розов Н.Н. Синодальный список сочинений Илариона – русского писателя XI в. // *Slavia*. 1963. Roč. 31. Seš. 2. S. 141–175; Молдован А.М. «Слово о Законе и Благодати» Илариона. Киев: Наукова думка, 1984. С. 78–196; Идейно-философское наследие Илариона Киевского. Ч. I / Изд. подгот. Т.А. Сумниковой. М.: ИФ РАН, 1986. С. 5–41 (транслитерация): С. 101–171 (фотокопия оригинала). [Переиздания этого текста: Слово о Законе и Благодати // Мильков В.В. Осмысление истории в Древней Руси. СПб.: Алетейя, 2000. С. 198–222; «Слово о Законе и Благодати» Илариона Киевского – современника и единомышленника Луки Жидяты // Дергачева И.В., Мильков В.В., Милькова С.В. Лука Жидята: святитель, писатель, мыслитель. М.: Мир философии, 2016. С. 197–244]; *Иларион*. Слово о Законе и Благодати / Реконструкция древнерусского текста Л.П. Жуковской. М.: Столица; Скрипторий, 1994. С. 28–100 (чётные). [Переиздание: *Митрополит Иларион*. Слово о Законе и Благодати / Реконструкция древнерусского текста Л.П. Жуковской. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 36–108 (чётные)]; *Митрополит Иларион*. Слово о Законе и Благодати / Подготовка текста А.М. Молдована // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 3. М.: Художественная литература, 1994. С. 583–598. [Переиздание: Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона / Подготовка текста А.М. Молдована // Библиотека литературы Древней Руси. Т. I: XI–XII вв. СПб.: Наука, 1997. С. 28–63 (чётные)]; Ужанков А.Н. Из лекций по истории русской литературы XI – первой трети XVIII вв.: «Слово о Законе и Благодати» Илариона Киевского. М.: НИЦ «Инженер», 1999. С. 62–134 (чётные). [Переиздание: Ужанков А.Н. «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского. М.: Академика, 2014. С. 46–280 (чётные)]; «Слово о законе и благодати» Илариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ Син. 591 / Изд. подгот. К.К. Акентьев // *Византинороссика / Byzantinorossica*. Т. 3: Истоки и последствия. Византийское наследие на Руси. Сб. статей к 70-летию члена-корреспондента РАН И.П. Медведева. СПб.: Византинороссика, 2005. С. 116–151; *Die Werke des Metropoliten Ilarion / Eingeleitet, übersetzt und erläutert von Ludolf Müller // Forum Slavicum*. Bd. 37. München, 1971. S. 57–129; *Elbe H. Die Handschrift C der Werke des Metropoliten Ilarion // Russia Mediaevalis*. T. 2. München, 1975. S. 120–161.

б) *в переводе на современный русский язык*: Перевод сочинений Илариона / Пер. Т.А. Сумниковой // Идейно-философское наследие Илариона Киевского. Ч. I. М.: ИФ РАН, 1986. С. 41–62. [Переиздание переводов: Слово о Законе и Благодати Илариона Киевского / Пер. Т.А. Сумниковой // Мильков В.В. Осмысление истории в Древней Руси. СПб.: Алетейя, 2000. С. 222–246; «Слово о Законе и Благодати» Илариона Киевского – современника и единомышленника Луки Жидяты / Пер. Т.А. Сумниковой // Дергачева И.В., Мильков В.В., Милькова С.В. Лука Жидята: святитель, писатель, мыслитель. М.: Мир философии, 2016. С. 245–303]; Слово о Законе и Благодати Илариона, митрополита Киевского / Пер. и примеч. А.П. Балицкой // Богословские труды. Вып. 28. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1987. С. 316–338; *Иларион*. Слово о Законе и Благодати / Пер. В.Я. Дерягина. М.: Столица,

Скрипторий, 1994. С. 28–100 (нечётные). [Переиздание: *Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати* / Пер. В.Я. Дерягина. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 36–108 (нечётные)]; *Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати* / Пер. диакона Андрея Юрченко // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 3. М.: Художественная литература, 1994. С. 599–616. [Переиздание: *Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона* / Пер. диакона Андрея Юрченко // Библиотека литературы Древней Руси. Т. I: XI–XII вв. СПб.: Наука, 1997. С. 28–63 (нечётные)]; *Ужанков А.Н.* Из лекций по истории русской литературы XI – первой трети XVIII вв.: «Слово о Законе и Благодати» Илариона Киевского. М.: НИЦ «Инженер», 1999. С. 62–134 (нечётные). [Переиздание: *Ужанков А.Н.* «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского. М.: Академика, 2014. С. 46–280 (нечётные)].

в) *в переводе на иностранные языки*: Die Werke des Metropoliten Ilarion / Eingeleitet, übersetzt und erläutert von Ludolf Müller // Forum Slavicum. Bd. 37. München, 1971. S. 22–53; *Ickler Nancy Louisa.* Slovo O Zakone I Blagodati: A Discours on the Law and Grace // Comitatus: A Journal of Medieval and Renaissance Studies. 1978. No. 9. P. 19–54; *Sermone di Ilarion “Sulla legge e sulla grazia”* / [a cura di] Itala Pia Sbriziolo; [traduzione, Itala Pia Sbriziolo] // Biblioteca di ricerche linguistiche e filologiche, 0392–9361; 23. Napoli: Istituto universitario orientale, 1988; *Лабунька М.* Митрополит Іларіон і його писання // Богословіє. Т. 53. К., 1989. С. 25–69. [Переиздание: *Лабунька М.* Митрополит Іларіон і його писання. Рим, 1990]; *Sermons and Rhetoric of Kievan Rus’* / Translated and with an Introduction by Simon Franklin. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1991. P. 3–17.

Список литературы

1. *Абрамов А.И.* «Слово о законе и благодати» киевского митрополита Илариона как русская историософская реакция на христианско-идеологическую экспансию Византии // Идейно-философское наследие Илариона Киевского: в 2 ч. Ч. 2 / Отв. ред. А.А. Баженова. М.: ИФ РАН, 1986. С. 82–95.
2. *Вальденберг В.* Древнерусские учения о пределах царской власти: очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. Пг., 1916. С. 93–98.
3. *Воробьева С.Н.* Религиозно-философская идея «Слова о законе и благодати» // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2017. № 2. С. 12–17.
4. *Жданов И.Н.* Слово о законе и благодати и Похвала кагану Владимиру // *Жданов И.Н.* Соч.: в 2 т. Т. I. СПб.: Отделение русского языка и словесности Акад. наук, 1904. С. 1–80.
5. *Золотухина Н.М.* «Слово о законе и благодати» – первый русский политический трактат киевского писателя XI в. Илариона // *Древняя Русь: Проблемы права и правовой идеологии* / Отв. ред. Г.В. Швеков. М.: РИО ВЮЗИ, 1984. С. 36–50.
6. Идейно-философское наследие Илариона Киевского: в 2 ч. Ч. 2: Исследования идейно-философского наследия Илариона / Отв. ред. А.А. Баженова. М.: Институт философии АН СССР, 1986. 112 с.
7. Идейно-философское наследие Илариона Киевского: в 2 ч. Ч. 1: Публикация сочинений Илариона / Отв. ред. А.А. Баженова; Изд. подгот. Т.А. Сумниковой. М.: Институт философии АН СССР, 1986. 171 с.

8. *Калугин Ф.Г.* Иларион митрополит Киевский и его церковно-учительные произведения // Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Под ред. А.И. Пономарева. Вып. 1. СПб.: Б.и., 1894. С. 47–85.
9. *Кожин В.В.* Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи // Вопросы литературы. 1988. № 12. С. 130–150.
10. *Колесов В.В.* Умное слово в «Слове» Илариона Киевского // Альманах библиофила. Вып. 26: Тысячелетие русской письменной культуры (988–1988). М.: Книга, 1989. С. 95–113.
11. *Кормин Н.А., Любимова Т.Б., Пилюгина Н.Б.* Характер философского мышления Илариона в «Слове о законе и благодати» // Альманах библиофила. Вып. 26: Тысячелетие русской письменной культуры (988–1988). М.: Книга, 1989. С. 122–135.
12. *Лемешко Г.А.* Становление историософских идей в Древней Руси: «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона // Культура и цивилизация. 2015. № 1–2 (2). С. 50–54.
13. *Макаров А.И.* Нравственные воззрения Илариона Киевского // Альманах библиофила. Вып. 26: Тысячелетие русской письменной культуры (988–1988). М.: Книга, 1989. С. 76–88.
14. *Мильков В.В.* Идеиные особенности творчества Илариона // *Дергачева И.В., Мильков В.В., Милькова С.В.* Лука Жидята: святитель, писатель, мыслитель. М.: Мир философии, 2016. С. 108–123.
15. *Мильков В.В.* Иларион // Русская философия: Энциклопедия / Под общ. ред. М.А. Маслина. М.: Книжный клуб Книговек, 2014. С. 220–222.
16. *Мильков В.В.* Иларион и древнерусская мысль // Идеино-философское наследие Илариона Киевского: в 2 ч. Ч. 2 / Отв. ред. А.А. Баженова. М.: ИФ РАН, 1986. С. 6–38.
17. *Мильков В.В.* Историософия оптимизма Илариона // *Мильков В.В.* Осмысление истории в Древней Руси. СПб.: Алетейя, 2000. С. 116–133.
18. *Мильков В.В.* Кирилло-мефодиевская традиция и ее отличие от иных идейно-религиозных направлений // Древняя Русь: пересечение традиций. М.: НИЦ «Скрипторий», 1997. С. 327–370.
19. *Мильков В.В.* «Слово о Законе и Благодати» Илариона и теория «Казней Божиих» // Альманах библиофила. Вып. 26: Тысячелетие русской письменной культуры (988–1988). М.: Книга, 1989. С. 114–121.
20. *Мюллер Л.* Киевский митрополит Иларион // *Мюллер Л.* Понять Россию: историко-культурные исследования. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 88–124.
21. *Никольская А.Б.* Слово митр. киевского Илариона в позднейшей литературной традиции // *Slavia*. 1928–1929. Roč. 7. Seš. 3–4. S. 549–553, 853–870.
22. *Овчинников Г.К.* Иларион Киевский и историческая реальность (Венценосная княгиня Анна, Борис и Глеб) // Актуальные проблемы гуманитарных, социальных, экономических и технических наук: Межвуз. сб. науч. и науч.-метод. тр. Вып. 2. Ч. 2. М.: Изд-во МГИУ, 2003. С. 6–20.
23. *Овчинников Г.К.* Иларион-русин – выдающийся мыслитель Древней Руси: очерки жизни и творчества. М.: Изд-во МГИУ, 2011. 407 с.
24. *Овчинников Г.К.* Основные черты творческой манеры Илариона // XXI век: будущее России в философском измерении: Материалы II Российского философского конгресса. Т. 4, ч. 1. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. С. 156–157.
25. *Овчинников Г.К.* Особенности структурной организации «Слова о Законе и Благодати» Илариона // Сборник статей, посвященный 50-летию кафедры философии гуманитарных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: МГУ, 2003. С. 393–399.

26. Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб.: Византиноведение, 1996. 572 с.
27. Поляков Л.В. Метод символической экзегезы в «исторической теологии» Илариона // Идейно-философское наследие Илариона Киевского: в 2 ч. Ч. 2 / Отв. ред. А.А. Баженова. М.: ИФ РАН, 1986. С. 56–81.
28. Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII в. СПб.: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1913. С. 97–106.
29. Робинсон М.А., Сазонова Л.И. Мнимая и реальная историческая действительность эпохи создания «Слова о законе и благодати» // Вопросы литературы. 1988. № 12. С. 151–157.
30. Розов Н.Н. Из наблюдений над историей текста «Слова о законе и благодати» // *Slavia*. 1966. Roč. 35. S. 365–379.
31. Розов Н.Н. К вопросу об участии Илариона в начальном летописании // Летописи и хроники. М.: Наука, 1974. С. 31–36.
32. Розов Н.Н. Рукописная традиция «Слова о законе и благодати» // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 17. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 42–53.
33. Сендерович С. «Слово о законе и благодати» как экзегетический текст Илариона Киевского и павлианская теология // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 51. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 43–51.
34. Темчин С.Ю. Типология этно-религиозных конфликтов в «Слове о законе и благодати» киевского митрополита Илариона // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 280–286.
35. Топоров В.Н. Работники одиннадцатого часа («Слово о законе и благодати» и древнерусские реалии) // Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре: в 2 т. Т. I: Первый век христианства на Руси. М.: Гнозис; Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 257–412.
36. Danti A. Sulla tradizione dello «Slovo o zakone i blagodati» // *Ricerche slavistiche*. 1970–1972. T. 17–19. P. 109–117.
37. Mainka R. von. Gesetz und Gande. Die heilsgeschichtliche Schicht im Slovo des Kiever Metropolitens Ilarion // *Clarentianum*. 1969. No. 9. S. 273–304.
38. Mathauserová S. Ilarionovo Slovo o zakonu a milosti a tradice staroslovenská // *Ceskoslovenská slavistika*. Praha, 1988. S. 27–32.
39. Müller L. Neue Untersuchungen zum Text der Werke des Metropolitens Ilarion // *Russia Mediaevalis*. 1975. T. 2. S. 3–91.
40. Thomson F.J. Quotations of Patristic and Byzantine Works by Early Russian Authors as an Indication of the Cultural Level of Kievan Russia // *Slavica Gandensia*. 1983. Vol. 10. P. 65–66.

ENCYCLOPEDIC SEARCH

Vladimir MILKOV

DSc in Philosophy, Leading Research Fellow. RAS Institute of Philosophy. Goncharnaya St. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: dr_milkov@mail.ru

HILARION

The article describes religious and philosophical views of an outstanding Russian thinker and church-political figure Hilarion of Kiev (late X – early XI century – ca. 1054/1055). We analyze his historiosophical work “Sermon on Law and Grace” and show that it consists of three independent parts and constitutes a kind of collection of Hilarion’s texts. In a deeply emotional, figurative and poetic form the ancient Russian thinker gives a theoretical understanding of world and national history. Hilarion highlights the most important stages of the world history, developed according to the divine scenario and argues that the progress of humanity is carried out by introducing more and more peoples into Grace (Christianity). He justifies the idea of equality of all nations and asserts the right of the “young” Slavic people “to be new wineskin for old wine”. In spite of the arrogance of the Greeks, Hilarion glorifies the greatness of his country and the ancestors of Vladimir the Baptist. In the glorification of the present through the past is clearly traced the national idea. The program of independence of the Russian church from the Patriarchate of Constantinople was put in religious form. Hilarion ideologically justified his country’s right to church autonomy.

Keywords: Russian philosophy, Ancient Rus, Hilarion of Kiev, historiosophy, ideology of ancient Russian autocephaly, Church, Christianity, Law, Grace, World history

References

1. Abramov, A.I. “«Slovo o zakone i blagodatI» kievskogo mitropolita Ilariona kak russkaya istoriosofskaya reaktsiya na khristiansko-ideologicheskuyu ehkspansiyu Vizantii” [“Sermon on Law and Grace” of Metropolitan Hilarion of Kiev as a Russian Historiosophical Reaction to the Christian-ideological Expansion of Byzantium], *Ideino-filosofskoe nasledie Ilariona Kievskogo* [Ideological and Philosophical Heritage of Hilarion of Kiev], Vol. 2, ed. A.A. Bazhenova. Moscow: IF RAN Publ., 1986, pp. 82–95. (In Russian)
2. Danti, A. “Sulla tradizione dello «Slovo o zakone i blagdati»”, *Ricerche slavistiche*, 1970–1972, Vol. 17–19, pp. 109–117. (In Italian)
3. *Ideino-filosofskoe nasledie Ilariona Kievskogo* [Ideological and Philosophical Heritage of Hilarion of Kiev], Vol. 2, ed. A.A. Bazhenova. Moscow: IF RAN Publ., 1986. 112 pp. (In Russian)

4. *Ideino-filosofskoe nasledie Ilariona Kievskogo* [Ideological and Philosophical Heritage of Hilarion of Kiev], Vol. 1, ed. A.A. Bazhenova. Moscow: IF RAN Publ., 1986. 171 pp. (In Russian)
5. Kalugin, F.G. "Ilarion mitropolit Kievskii i ego tserkovno-uchitel'nye proizvedeniya" [Metropolitan Hilarion of Kiev and His Church Teaching Works], *Pamyatniki drevnerusskoi tserkovno-uchitel'noi literatury* [Monuments of Ancient Church-teaching Literature], ed. A.I. Ponomarev. Vol. 1. St. Petersburg, 1894, pp. 47–85. (In Russian)
6. Kolesov, V.V. "Umnoe slovo v «Slove» Ilariona Kievskogo" [A Wise Word in the "Sermon" of Hilarion of Kiev], *Al'manakh bibliofila. Vyp. 26: Tysyacheletie russkoi pis'mennoi kul'tury (988–1988)* [Almanac of the Bibliophile. Issue 26: The Millennia of Russian Literary Culture (988–1988)]. Moscow: Kniga Publ., 1989, pp. 95–113. (In Russian)
7. Kormin, N.A., Lyubimova, T.B., Pilyugina, N.B. "Kharakter filosofskogo myshleniya Ilariona v «Slove o zakone i blagodati»" [The Nature of the Philosophical Thinking of Hilarion in the "Sermon on Law and Grace"], *Al'manakh bibliofila. Vyp. 26: Tysyacheletie russkoi pis'mennoi kul'tury (988–1988)* [Almanac of the Bibliophile. Issue 26: The Millennia of Russian Literary Culture (988–1988)]. Moscow: Kniga Publ., 1989, pp. 122–135. (In Russian)
8. Kozhinov, V.V. "Tvorchestvo Ilariona i istoricheskaya real'nost' ego ehpokhi" [The Work of Hilarion and the Historical Reality of His Era], *Voprosy literatury*, 1988, No. 12, pp. 130–150. (In Russian)
9. Lemeshko, G.A. "Stanovlenie istoriosofskikh idei v Drevnei Rusi: «Slovo o zakone i blagodati» mitropolita Ilariona" [The Formation of the Historiosophic Ideas in Ancient Rus: "Sermon on Law and Grace" by Metropolitan Hilarion], *Kul'tura i tsivilizatsiya*, 2015, No. 1–2 (2), pp. 50–54. (In Russian)
10. Mainka R. von. "Gesetz und Gande. Die heilsgeschichtliche Schicht im Slovo des Kiever Metropoliten Ilarion", *Clarentianum*, 1969, No. 9, S. 273–304. (In Deutch)
11. Makarov, A.I. "Nravstvennyye vozzreniya Ilariona Kievskogo" [Moral Views of Hilarion of Kiev], *Al'manakh bibliofila. Vyp. 26: Tysyacheletie russkoi pis'mennoi kul'tury (988–1988)* [Almanac of the Bibliophile. Issue 26: The Millennia of Russian Literary Culture (988–1988)]. Moscow: Kniga Publ., 1989, pp. 76–88. (In Russian)
12. Mathauserová, S. "Ilarionovo Slovo o zakonu a milosti a tradice staroslovenská", *Ceskoslovenská slavistika*. Praha, 1988, S. 27–32. (In Czech)
13. Milkov, V.V. "Ideinye osobennosti tvorchestva Ilariona" [Ideological Features of Hilarion's Work], in: I.V. Dergacheva, V.V. Milkov, S.V. Milkova, *Luka Zhidyata: svyatitel', pisatel', myslitel'* [Luke Zhidyata: Saint, Writer, Thinker]. Moscow: Mir filosofii Publ., 2016, pp. 108–123. (In Russian)
14. Milkov, V.V. "Ilarion i drevnerusskaya mysl'" [Hilarion and Ancient Russian thought], *Ideino-filosofskoe nasledie Ilariona Kievskogo* [Ideological and Philosophical Heritage of Hilarion of Kiev], Vol. 2, ed. A.A. Bazhenova. Moscow: IF RAN Publ., 1986, pp. 6–38. (In Russian)
15. Milkov, V.V. "Ilarion" [Hilarion], *Russkaya filosofiya: Ehntsiklopediya* [Russian Philosophy: Encyclopedia], ed. M.A. Maslin. Moscow: Knizhnyi klub Knigovek Publ., 2014, pp. 220–222. (In Russian)
16. Milkov, V.V. "Istoriosofiya optimizma Ilariona" [Historiosophy of optimism of Hilarion], in: V.V. Milkov, *Osmyslenie istorii v Drevnei Rusi* [The Interpretation of History in Ancient Rus]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2000, pp. 116–133. (In Russian)
17. Milkov, V.V. "Kirillo-mefodievskaia traditsiia i ee otlichie ot inykh ideino-religioznykh napravlenii" [Cyril and Methodius Tradition and its Difference from Other Ideological and Religious Directions], *Drevnyaya Rus': peresechenie traditsii* [Ancient Rus: the Intersection of Tradition]. Moscow: Skriptorii Publ., 1997, pp. 327–370. (In Russian)

18. Milkov, V.V. “Slovo o Zakone i Blagodati” Ilariona i teoriya “Kaznei Bozhiikh” [“Sermon on Law and Grace” by Hilarion and the Theory of “God’s Executions”], *Al'manakh bibliofila. Vyp. 26: Tysyacheletie russkoi pis'mennoi kul'tury (988–1988)* [Almanac of the Bibliophile. Issue 26: The Millennia of Russian Literary Culture (988–1988)]. Moscow: Kniga Publ., 1989, pp. 114–121. (In Russian)
19. Müller, L. “Kievskii mitropolit Ilarion” [Metropolitan Hilarion of Kiev], in: L. Müller, *Ponyat' Rossiyu: istoriko-kul'turnye issledovaniya* [Understand Russia: Historical and Cultural Studies]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2000, pp. 88–124. (In Russian)
20. Müller, L. “Neue Untersuchungen zum Text der Werke des Metropoliten Ilarion”, *Russia Mediaevalis*, 1975, No. 2, S. 3–91. (In Deutch)
21. Nickolskaya, A.B. “Slovo mitropolita kievskogo Ilariona v pozdneishei literaturnoi traditsii” [The Sermon of Metropolitan Hilarion of Kiev in the Later Literary Tradition], *Slavia*, 1928–1929, Roč. 7, Seš. 3–4, S. 549–553, 853–870. (In Russian)
22. Ovchinnikov, G.K. “Ilarion Kievskii i istoricheskaya real'nost' (Ventsenosnaya knyaginya Anna, Boris i Gleb)” [Hilarion of Kiev and Historical Reality (Crown Princess Anna, Boris and Gleb)], *Aktual'nye problemy gumanitarnykh, sotsial'nykh, ehkonomicheskikh i tekhnicheskikh nauk* [Actual Problems of Humanities, Social, Economic and Technical Sciences], Interuniversity collection of scientific and methodical works, T. 2, Vol. 2. Moscow: MSIU Publ., 2003, pp. 6–20. (In Russian)
23. Ovchinnikov, G.K. “Osnovnye cherty tvorcheskoi manery Ilariona” [The Main Features of the Creative Manner of Hilarion], *XXI vek: budushchee Rossii v filosofskom izmerenii* [XXI Century: the Future of Russia in the Philosophical Dimension]. Materials of the II Russian Philosophical Congress, T. 4, Vol. 1. Yekaterinburg: Ural University Publ., 1999, pp. 156–157. (In Russian)
24. Ovchinnikov, G.K. “Osobennosti strukturnoi organizatsii «Slova o Zakone i Blagodati» Ilariona” [Features of the Structural Organization of the “Sermon on Law and Grace” by Hilarion], *Sbornik statei, posvyashchennyi 50-letiyu kafedry filosofii gumanitarnykh fakul'tetov MGU im. M.V. Lomonosova* [Collection of articles on the 50th anniversary of the Department of philosophy of Humanitarian faculties of Moscow state University. M.V. Lomonosov]. Moscow: MSU Publ., 2003, pp. 393–399. (In Russian)
25. Ovchinnikov, G.K. *Ilarion-rusin – vydayushchiysya myslitel' Drevnei Rusi: ocherki zhizni i tvorchestva* [Hilarion-rusin – Outstanding Thinker of Ancient Rus: Essays on Life and Creativity]. Moscow: MSIU Publ., 2011. 407 pp. (In Russian)
26. Podskalski, G. *Khristianstvo i bogoslovskaya literatura v Kievskoi Rusi (988–1237 gg.)* [Christianity and Theological Literature in Kievan Rus (988–1237)]. St. Petersburg: Vizanti-norossika Publ., 1996. 572 pp. (In Russian)
27. Polyakov, L.V. “Metod simvolicheskoi ehkzegezy v «istoricheskoi teologii» Ilariona” [The Method of Symbolic Exegesis in the “Historical Theology” of Hilarion], *Ideino-filosofskoe nasledie Ilariona Kievskogo* [Ideological and Philosophical Heritage of Hilarion of Kiev], Vol. 2, ed. A.A. Bazhenova. Moscow: IF RAN Publ., 1986, pp. 56–81. (In Russian)
28. Priselkov, M.D. *Ocherki po tserkovno-politicheskoi istorii Kievskoi Rusi X–XII v.* [Essays on the Church-political History of Kievan Rus X–XII cc.]. St. Petersburg: Printing House of M.M. Stasyulevich Publ., 1913, pp. 97–106. (In Russian)
29. Robinson, M.A., Sazonova, L.I. “Mnimaya i real'naya istoricheskaya deistvitel'nost' ehpokhi sozdaniya «Slova o zakone i blagodati»” [Imaginary and Real Historical Reality of the Era of Creation “Sermon on Law and Grace”], *Voprosy literatury*, 1988, No. 12, pp. 151–157. (In Russian)
30. Rozov, N.N. “Iz nablyudeniia nad istoriei teksta «Slova o zakone i blagodati»” [From Observations over the History of the Text of the “Sermon on Law and Grace”], *Slavia*. 1966, Roč. 35, S. 365–379. (In Russian)

31. Rozov, N.N. “K voprosu ob uchastii Ilariona v nachal’nom letopisani” [To the Question of the Participation of Hilarion in the Early Chronicles], *Letopisi i khroniki* [Annals and Chronicles]. Moscow: Nauka Publ., 1974, pp. 31–36. (In Russian)

32. Rozov, N.N. “Rukopisnaya traditsiya «Slova o zakone i blagodatii»” [The Manuscript Tradition of the “Sermon on Law and Grace”], *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Department of Literature of Ancient Rus], Vol. 17. Moscow: UAS Publ., 1961, pp. 42–53. (In Russian)

33. Senderovich, S. “«Slovo o zakone i blagodatii» kak ehkzegeticheskiy tekst Ilariona Kievskogo i pavlianskaya teologiya” [“Sermon on Law and Grace” as Exegetical Text of Hilarion of Kiev and Pauline Theology], *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Department of Literature of Ancient Rus], Vol. 51. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 1999, pp. 43–51. (In Russian)

34. Temchin, S.Yu. “Tipologiya ehno-religioznykh konfliktov v «Slove o zakone i blagodatii» kievskogo mitropolita Ilariona” [Typology of Ethno-religious Conflicts in the “Sermon on Law and Grace” of Metropolitan Hilarion of Kiev], *Drevnyaya Rus’ i srednevekovaya Evropa: vozniknovenie gosudarstv* [Ancient Rus and Medieval Europe: the Emergence of States]. Moscow: IGH RAS Publ., 2012, pp. 280–286. (In Russian)

35. Thomson, F.J. “Quotations of Patristic and Byzantine Works by Early Russian Authors as an Indication of the Cultural Level of Kievan Russia”, *Slavica Gandensia*, 1983, Vol. 10, pp. 65–66.

36. Toporov, V.N. “Rabotniki odinnadsatogo chasa («Slovo o zakone i blagodatii» i drevnerusskie realii)” [Workers of the Eleventh Hour (“Sermon on Law and Grace” and Ancient Realities)], in: V.N. Toporov, *Svyatost’ i svyatye v russkoi dukhovnoi kul’ture* [Holiness and Saints in Russian Spiritual Culture], Vol. I. Moscow: Gnozis Publ., 1995, pp. 257–412. (In Russian)

37. Valdenberg, V. *Drevnerusskie ucheniya o predelakh tsarskoi vlasti: ocherki russkoi politicheskoi literatury ot Vladimira Svyatogo do kontsa XVII veka* [Teachings of Ancient Rus about the Limits of Royal Power: Essays of Russian Political Literature from St. Vladimir to the End of the XVII Century]. Petrograd, 1916, pp. 93–98. (In Russian)

38. Vorobyeva, S.N. “Religiozno-filosofskaya ideya «Slova o zakone i blagodatii»” [Religious-philosophical Idea of the “Sermon on Law and Grace”], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya «Nauki ob obshchestve i gumanitarnye nauki»*, 2017, No. 2, pp. 12–17. (In Russian)

39. Zhdanov, I.N. “Slovo o zakone i blagodatii i Pokhvala kaganu Vladimiru” [Sermon on Law and Grace and Praise to Kagan Vladimir], in: I.N. Zhdanov, *Sochineniya* [Works], Vol. I. St. Petersburg: The Department of Russian language and literature Acad. Sciences’ Publ., 1904, pp. 1–80. (In Russian)

40. Zolotukhina, N.M. “«Slovo o zakone i blagodatii» – pervyi russkii politicheskii traktat kievskogo pisatelya XI v. Ilariona” [“Sermon on Law and Grace” – the First Russian Political Treatise of Kiev Writer of XI c. Hilarion], *Drevnyaya Rus’: Problemy prava i pravovoi ideologii* [Ancient Rus: Problems of law and legal ideology], ed. G.V. Shvekov. Moscow: All-Union Correspondence Institute of Law Publ., 1984, pp. 36–50. (In Russian)